

* * *

Бубнит в степи над табунами гром,
А может, запоздалая повозка.
Вечерний чай... Родной
в жасминах дом...
Мотив простой, сатиново-неброский.

Измены и разлуки нипочем!
Пусть судьба тревоги не пророчит!
Лишь вспоминаю ландыш
над лесным ручьем,
Лишь вспоминаю, как горланит
утром кочет.

Весёлая Слобода

Слобода! Чем-то русским, родным,
Чуть хлебом из печки, пахнуло
Или просто дождем проливным
С веток яблони цвет отрянуло?

По Веселой иду ль, по судьбе?
Палисадники да переулки.
Через парк, по песчаной тропе;
Как в деревне, у берега утки.

Наш райончик пленит тишиной,
Лишь воркуют в садах голубятни,
Да летит иногда с окружной
Гул машин за ворота невнятный.

Здесь прохожих узнаешь в лицо,
На бегу скажешь тысячу «Здравствуйте!»,
Вспомнишь каждого — дом и крыльцо,
Даже пса распородистой масти.

* * *

В цветочек ситцевое платье
И с вишней спелую кулек.
Лет пять. Остались куклы в хате.
Иду на речку. На закате
Стучит на мостиках валец.

А за деревней, за погостом,
Где май кропит по травам мед,
Где солнце в лучиках раскосых
В туман сползает по откосам,
Пастух коров домой ведет.

Тот вечер маминой косынкой
Мне машет из далеких лет.
Табун гусей, на кольях кринки,
Плотва под крышей на лозинке,
Тоска... Острее которой нет.

Спелый вечер

Нынче вечер безоблачный, синий,
Медом спелым плеснула заря
В перелесок, в дрожащий осинник
И горит в хохолке сизаря.

Дух созревших владимирских вишен
Да жужжание пчел у крыльца.
Сквозь окно растворенное вижу
С дыма у колодин отца.

Золотисто-янтарные соты
На веранду для пробы несет.
Кудри светлые, — может быть, годы,
Может, липовый выкрасил мед.

* * *

Не заманить, живет в столице!
На юг, проездом в отпуск, но бывал.
Теперь курорты за границей,
Лет семь, как Петенька пропал.

Корил, бывало, простотою.
Сундук прабабкин, чугунки, ухват.
Вся жизнь — отелы да удои,
И прокопчила хату от лампад.

Стыдился он еще студентом,
Когда она, собрав денжат, сальца,
Управив затемно, с рассветом
Спешила в город «навестить мальчика».

Котчему порогу



Видавший виды полушалок,
Лицо без красок городских, помад.
И руки прячет, взгляд усталый.
Натерпишься насмешек от ребят!

Все: «Петя, как живешь, родимый?
Учеба как? Не захворал, сынок?».
Стыдятся растоптанных ботинок,
С груди достанет с грошиком платок,

И ни намека, ни словечка,
Что одолел совсем радикулит.
— Перетерплю, со мною печка,
А вот по нем душа болит.

На рыбалку

Подходим тихо к Филькиному броду,
Еще с весны дед сплел два кубаря.
Ракитки, меж собою говоря,
Ласкают кончиками пальцев воду.

Река спросонья ласково вздыхает,
Но спит еще, не вздрогнет плавником.
Идем вдоль камышей —
след в след, гуськом,
И стрекоза у берега порхает.

Я этот час люблю перед рассветом,
Ночь окропила берега росой,
Мгновение — и солнца луч косой
Уже горит в стогах пурпурным светом.

И тут же мир приокский оживает,
И слышен всплеск рыбацкого весла,
И теньканью, жужжанью нет числа,
И солнце, опалив леса, взмывает.

* * *

Не сдается кукушка,
громко спорит с подпаском,
Лес пропах духотой
переспелых грибов.
Мох, как шкура медвежья,
под сосною распластан,
А на диком шиповнике столько шипов!

Проникает не часто
в этот мрак кафедральный
Заблудившийся лучик,
эха дерзкого звук.
Лишь в трясине туманы
всхлипнут глухо-печально,
Да рассыплется
дятла-барабанчика стук.

На закате стихает мелкий мир,
муравейник,
Ручеек быстроногий меж хвоянок
спешит,
Вечер сонное солнце спать ведет
за ошейник,
И щенком вислоухим в краях
месяц бежит.

Этот лес на сегодня стал постелью
и кровом,
Проводи до калитки, по рося
проводи.
Был вчера мне простым и хорошим
знакомым,
А теперь лишь взгляну — польхает
в груди.

Друзьям детства

Играет галькою ручей,
Как мальчик в камушки играет.
Ей вторит дикий сонный рой
В короне солнечных лучей
Восток лениво догорает.

Иду сквозь память босиком
По свежескошенному лугу.
Здесь каждый кустик мне знаком,
Картинки детства — друг за другом.

Звенит литовка под горой
О чем-то прошлом, добром, старом,
Ей вторит дикий сонный рой
На вишне спелой за амбаром.

До каждой дырочки родной
Забор в заплатках, как в обновках.
Мы в летний дождик проливной
Пускали лодки на задворках.

Разъехались давным-давно,
Из гнезд, как птицы, улетели.
Жасмин разросся под окном,
Остались кольца от качелей.

* * *

Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О край июньских сенокосов
И синь прудов, и тишина.

Россия... Будто хлебом-солью
Встречаешь, стоя у плетня.
Отцом посаженные колья
Шумят листвою на склоне дня.

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам,
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

Грибной дождь

Я чудес немало повидала,
Но, как в детстве, все еще люблю
Подсмотреть сквозь щелку сеновала,
Как ласкает дождь парной зарю.

Мир — младенец, к завтраку умытый,
Не узнать, смотрю не насмотрюсь.
Край родной веками не забыть мне!
Здесь мой дом, родители и Русь!

Сколько буду жить на белом свете,
Буду плыть к родимым берегам.
Как наследство дождь оставлю детям,
Им на сохраненье передам.

* * *

Когда-то гору называли Поповкой.
Церквушку взрвали, связавши веревкой,
Стащили кресты в тот же день
с колокольни.

Давно это было, но вольно-невольно,
Бывая на месте израненном том,
Себя осеняю понине крестом.
Чуть выше сирень укрывает стеной
Времен стародавних погост крепостной.
Здесь кость на кости, среди них —
мои предки.
Век с веком сплелись, перепутались
ветки,
Замшели кресты, и сровнялись могилы.
Здесь память и грусть моей родины
милой.

Моя земля

Родные звуки, запахи и краски!
Крик петуха, жасмина аромат
И пруд в цветущей изумрудной ряске,
И хороводы сонных мальв у хат.

Пчелиный рой в отцовских
старых липах,
В резных окошках терпкая герань,
Домой зовущий голос: «Цыпа-цыпа»
И скрип телеги сквозь парную рань.

Я навсегда запомню звуки эти,
Их для меня нет ближе и родней.
Какое счастье — есть на белом свете
Моя земля! И мысли все о ней.

Крик души

Глазницами пустыми смотрят хаты,
И лебедой-травой поросли поля...
Кто за развал деревни виноватый?
Родить не хочет с горя
матушка-земля.

Давно пустуют фермы и загоны,
Едим сыры голландских, не родных,
коров.

Забросили село правители на тронах,
Им дела нет до вымирающих дворов.

А сами деток учат за границей,
Гордятся «мерсами» да
суммами счетов.

И где же мужику тут не напиться?
От беспредела прыгнуть в омут
он готов!